

Остров Православия

Нью-Йорк оглушил с первого мгновения.

Едва выбрался из огромнейшего аэропорта Дж.Ф. Кеннеди, больше похожего на город, как вокруг потекли бесконечные потоки легковых и грузовых автомобилей, ярко-желтых такси, разноцветных автобусов, стремившихся по восьмизнарядному шоссе в город и из города. Домики, склады, кафе и рестораны, спортивные сооружения, больницы, чахлые деревья на обочине представлялись взору из окна автобуса.

Вдали уже показались тесно прижавшиеся друг к другу разнокалиберные небоскребы, верхушки знаменитого моста через Ист-Ривер, но автобус свернул вправо. Огромный город оставался в стороне. Моей целью был аэропорт Ла Гардиа. Чернокожий водитель сосредоточенно крутил баранку, рассуждая сам с собой, и по временам обращался ко мне, не рассчитывая на поддержку разговора.

После восьми с половиной часов полета из Москвы до Нью-Йорка предстояло пролететь еще немного, полтора часа до города Сиракузы, находящегося на севере штата Нью-Йорк. Там меня должны были ожидать организаторы конференции, переговоры об участии в которой начались почти полгода назад.

В Свято-Троицкой семинарии, расположенной в Свято-Троицком монастыре Русской Зарубежной Церкви, решили провести осенью 2002 года конференцию, посвященную жизни и деятельности святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского. Как-то поздно вечером у меня зазвонил телефон. Вопрос организатора конференции, заместителя декана семинарии, диакона Владимира Шурикова, не желаю ли я принять участие в таком научно-церковном съезде, естественно, удивил меня, но это показалось интересным и я согласился.

* * *

Дорога то падала вниз, то круто взмывала вверх, но в «Фольксвагене» последней модели это не доставляло неудобств. Инок А. твердо держал руль и, поглядывая на пустынное шоссе, на котором изредка появлялись встречные машины, вел со мной разговор, старательно выговаривая русские слова. Ему было лет двадцать пять, и его молодость не могли скрыть ни длинная черная борода, ни толстые круглые стекла очков. Он родом из Канады, с небольшого острова, где учился и работал, где оставил родных. Недавно он был принят в монашеское братство Свято-Троицкой обители, учится на первом курсе семинарии. Самое главное сейчас для него — овладение русским языком. «Веро-

ятно, полезно почитать русских классиков, — предположил я. — Например, Пушкина, Крылова...» «Нет, это мне не нужно», — твердо ответил мой спутник. «Может быть, тогда — святителя Игнатия?» «Да! Я читал его книги в переводе, а сейчас читаю по-русски». «Вам часто приходится выезжать в Нью-Йорк?» «Нет. Я никогда не был в Нью-Йорке». Тут я замолчал.

По обе стороны дороги убранные поля сменялись перелесками. Редко возникали аккуратные белые домики, двух- и трехэтажные, некоторые с колоннами по фасаду, с пристройками, поленицами дров, сараями и непременно с американским звездно-полосатым флагом на крыльце или на флагштоке перед домом. Кстати, и на всех автомобилях обязательно развевался небольшой американский флаг.

«Самое опасное в этих местах на дороге — олени», — сказал инок А. К своему удивлению, я узнал, что Джорданвилль — это всего-навсего маленькая деревня, расположенная в гористой части штата Нью-Йорк.

Помню, что в 70-е годы слово «Джорданвилль» воспринималось как пароль, и «посвященные» знали, что и в Америке существует оплот Православия, поддерживающий чистоту веры, издающий творением отцов Церкви и труды современных богословов. Пухлые ворохи машинописных листов, иногда переплетенных, да голоса священников по «Голосу Америки», с трудом разбираемые из-за гула и шороха помех, — вот что значило в те годы слово «Джорданвилль». И слова протоиерея Александра Шмемана: «Мы живем так, как будто Христос никогда не приходил. И это единственный настоящий грех, глубочайшая трагедия и грусть нашего номинального христианства», — воспринимались как откровение в атмосфере нашего атеистического государства, в котором в течение десятилетий Русская Церковь виделась большинству народа в качестве терпимого реликта старины, не более. А русским слово «Джорданвилль» стало в далеком 1928 году. В тот год отцы-первоустроители архимандрит Пантелеимон и архимандрит Иосиф приехали в северную часть штата Нью-Йорк в поисках места для основания монашеской обители. Место приглянулось им потому, что находилось в удалении от населенных пунктов, а природа очень напоминала среднюю полосу Великороссии: те же поля и леса с елями и березами, ивы по берегам прудов, многоцветье лугов летом и высокие сугробы снега зимой.

Не сразу, но удалось приобрести в собственность значительные земельные угодья. Вблизи маленькой деревушки (там даже не было почтового отделения) возникли первые здания Свято-Троицкого монастыря.

Поначалу жили тесно, но обитель росла, становилась все более известной. После Второй мировой войны, когда под контроль СССР попали страны Центральной и Восточной Европы, значение монастыря возросло еще более. Сюда в 1946 году переселилось монашеское братство из Ладомирского монастыря в Карпатах. Важным центром стала типография, истоки которой — в Почаевском монастыре, в ней до сих пор сохраняется икона преподобного Иова Почаевского. Возникла нужда в кадрах священнослужителей, и в стенах обители была организована семинария, куда поступали учиться как недавние беженцы, так и потомки эмигрантов первой послереволюционной волны. Монашеское братство то увеличивалось, то чуть уменьшалось, но авторитет обители на православном Западе неуклонно рос.

Отношения с родиной, с Россией, ставшей советской, фактически были давно прерваны. Еще в ноябре 1920 года на борту парохода в константинопольском порту состоялось совещание с участием митрополитов Антония (Храповицкого) и Платона (Рождественского), архиепископа Феофана (Быстрова) и епископа Вениамина (Федченкова). На нем было утверждено существование Высшего церковного управления за границей. Каноническими основаниями для самостоятельного существования РПЦЗ считались решения высшей церковной власти о самостоятельности епархий, оторванных в условиях гражданской войны от центра. В частности, указ Священного Синода и Высшего церковного совета от 20 ноября 1920 года о временной автономии епархий, связь которых с патриархией прервана, указ Патриарха Тихона от 4 апреля 1921 года, по которому предлагалось считать Православные русские церкви в Западной Европе находящиеся под управлением архиепископа Евлогия (Георгиевского) — «впредь до восстановления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом». Между тем, без ведома Патриарха Тихона зарубежное ВЦУ стало самостоятельно определять все свои отношения с Константинопольским патриархом. Это вызвало двукратное решение Патриарха и состоящего при нем Высшего церковного управления об упразднении зарубежного ВЦУ. Однако в личном письме святителя Тихона к митрополиту Антонию (Храповицкому), письме доверительном и дружественном по тону, говорилось: «Теперь многие из нас бегут к вам, но вы к нам погодите...»

Колебания в отношениях РПЦЗ с преемниками Патриарха Тихона завершились после издания митрополитом Сергием (Страгородским) в 1927 году своей известной «Декларации». Русская Церковь в России стала восприниматься частью эмиграции на Западе как «красная» не только по цвету крови, пролитой мучениками за веру, но и вследствие ее вынужденного сотрудничества с Советской властью. Такое отношение сохранялось и позднее, даже несмотря на куда более печальный для авторитета Зарубежной Церкви «благодарственный адрес» митрополита Анастасия (Грибановского), направленный Гитлеру в июне 1938 года, в котором фюрер был назван «вождем в мировой борьбе за мир и правду». После победы 1945 года и на-

Память о русском Святителе живет и в православной Америке

чала «холодной войны» Зарубежная Церковь, переехавшая из Германии в США, усилиями некоторых «политиков в рясах» оказалась на ярко-антисоветских позициях. Активизировалась ее полемика против Московской Патриархии, ожесточилась риторическая непримиримость к инославному миру.

Рецидивы подобного отношения сохраняются до сих пор. В Нью-Йорке после литургии в храме РПЦЗ ко мне подошла одна прихожанка и, после вежливых вопросов, как мне понравилась Америка, спросила:

— Вы действительно из Московской Патриархии?

— Да.

— Ну и как, собираетесь вы каяться?

— В чем?

— Ну, как же, в Декларации Сергия, в экуменизме...

Я мог бы рассказать ей то, что знал не из книг: как людей увольняли с работы за крещение детей, как моя мама прятала иконы в шкафу, как дочка диакона, жившего в соседней квартире, испытывала в школе враждебно-настороженное отношение со стороны учителей и одноклассников... Да многое еще, но это ей не было нужно. Она была непоколебимо уверена в своей правоте.

В Джорданвилле я встретил совсем иное отношение. И начало этому положило приветствие и благословение митрополита Лавра. Насельники монастыря, семинаристы, преподаватели спрашивали про Москву, про здоровье Патриарха, рассказывали о своих поездках в Россию и желании непременно приехать

вновь. Возникло ощущение, что путник, долго скитавшийся в отдаленных краях, наконец-то выбрался на дорогу, ведущую домой...

* * *

Конференция «Филарет, митрополит Московский: его жизнь, деятельность и его время» открылась 1 ноября 2002 года в Актовом зале Свято-Троицкой семинарии. Более ста гостей и участников осматривали портреты русских иерархов, висевшие на стенах зала, расположенную по соседству музейную экспозицию, в которой было немало ценных экспонатов: вещи членов императорской семьи, подлинное письмо святого праведного Иоанна Кронштадтского и другие редкости. В зале, справа от невысокой трибуны, на аналое лежала икона святителя Филарета, решением Архиерейского Собора РПЦЗ в 2001 году причисленного к лику святых (спустя семь лет после принятия такого решения в Москве). Слева от трибуны на подставке стояла фотография святителя Филарета, сделанная в последний год его жизни, та, о которой он писал архимандриту Антонию (Медведеву): «Портрет, как я и прежде сказал, кажется мне гордым. Чем бы поблагодарить фотографа?» А на стене за трибуной висел его живописный портрет, и от вида нескольких ликов Святителя возникало ощущение его реального присутствия.

О личности Святителя, а также о важной роли митрополита Филарета в церковной жизни России в XIX веке сказал в своем приветственном слове глава РПЦЗ высокопреосвященный Лавр, митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, пожелавший успеха конференции.

Доклад «Значение митрополита Филарета для развития гомилетики в России» сделал владыка Марк, архиепископ Берлинский и Германский. В его глубоком и содержательном выступлении были проанализированы проповеди святителя Филарета, произнесенные в разные годы, обращено внимание на происходившие изменения как в их структуре, так и стиле. Профессор американского университета Брандеса Грегори Фриз зачитал доклад «Великие реформы в России и Русская Православная Церковь: роль митрополита Филарета». В нем были отмечены важность и своевременность коренных преобразований, начатых Александром II, не только для Российской империи, но и для Русской Церкви. В то же время, профессор Г.Фриз подчеркнул сдержанное отношение святителя Филарета к реформам, нередко вызывавшим негативные последствия в общественной жизни страны. Я выступил с докладом «Участие святителя Филарета в государственной жизни России в 1821—1831 годах». В докладе было обращено внимание на неоднозначный характер отношений Церкви и государства в России в синодальный период, и, в связи с этим, — на зачастую трудное положение Московского митрополита, не поступавшего в своей деятельности интересами Церкви.

Вечером участники конференции собрались в Свято-Троицком соборе. Архиепископ Марк в сослужении епископа Михаила и духовенства совершил всеобщее бдение. В ярко освещенном храме, стены

Выступление хора Джорданвилльской семинарии перед участниками конференции

которого были украшены замечательными фресками и иконами в старорусском стиле, знакомые молитвы и песнопения, исполняемые хором семинаристов, создавали ощущение, что все это происходит у нас, в России. Но странно было не слышать на ектенью имени патриарха Алексия, свечи стоили доллар-полтора-три, а пробирающийся сквозь ряды молящихся белоголовый мальчик тихо произносил «Соггу» — все-таки это была Америка.

На следующий день, 2 ноября, конференция продолжила свою работу. Профессор В.Ляпунов из университета штата Индиана выступил с докладом «Поэтический диалог митрополита Филарета с А.С.Пушкиным», уделив большое внимание анализу известного стихотворения поэта «Дар напрасный, дар случайный...» и ответу Московского митрополита. Американский исследователь русской литературы Р.Берд (университет Чикаго) представил собравшимся доклад «Митрополит Филарет и светская культура его эпохи». В интересном и содержательном докладе стержневой была мысль об особой роли митрополита Филарета в культурной жизни России в XIX веке: в его личности соединились высота духовного делания и усилия по воцерковлению светской культуры в разных ее проявлениях.

После каждого доклада задавались вопросы, в отдельных случаях возникали дискуссии. Для меня как отечественного участника конференции и радостно, и несколько удивительно было видеть столь живой интерес, проявляемый православными американцами к нашему великому Святителю. Рабочими языками были русский и английский, хотя большая часть аудитории владела русским. Вопросы слушателей оказались интересными, например: в какой мере повлиял язык проповедей митрополита Филарета на формирование русского языка; почему светская власть так широко использовала советы Святителя в решении разных проблем; действительно ли Пушкин в своем поэтическом ответе Московскому митрополиту «В часы забав иль

Гостеприимные стены Свято-Троицкой семинарии

ние невозможности единство предпочесть Истине, единство отделить от Истины... сколько почти удовлетворение разделением, желание найти все больше и больше темных сторон в противоположном лагере»¹.

В каждом, даже самом маленьком, американском городке стоит церковь с крестом на шпиле, и по воскресеньям люди идут туда. Тем не менее, по мнению американского религиоведа Дж. Янга, на Западе «организованная религия пришла в упадок, а вера в Бога не часто становится главным фактором в принятии решений»; западное общество, в котором широчайшее распространение получили гороскопы, скорее «можно назвать суеверным»². «Круг замкнулся, — писал в 1997 году епископ Каллист (Уэр), англичанин, в 1958 году в 24-летнем возрасте присоединившийся к Православию. — Сегодняшние христиане ближе к ранней Церкви, чем их деды и прадеды. Христианство возникло как религия незначительного меньшинства в окружении преобладающего нехристианского населения, и в наши дни оно вернулось к тому же состоянию»³.

Но что я видел своими глазами — так это подготовку к жуткому празднику Хеллоуин, унаследованному от переселившихся в Новый Свет потомков язычников-кельтов. Меня возили по окрестностям Джордан-

вилля, показывая провинциальную Америку. Возле каждого чистенького и аккуратного домика либо лежали напоминающие череп тыквы с вырезанными ртом, носом и глазами, либо на крыльце стоял скелет с приветливо вздтой правой рукой, либо по фасаду были прикреплены вырезанные огромные черные пауки или повешено чучело. Проезжая через городок Куперстаун, видел, как одна семья идет поздравлять с веселым праздником другую: дети, мама со свертками подарков и папа, одетый в белую простыню и с косою в руке. Говорят, что многие компании заинтересованы в этом празднике, потому что принято делать подарки, а это приносит дополнительные доходы. Может быть. Но видеть это как обыденное явление страшно. Увы, этот «праздник» теперь проник и к нам.

Осенью 2001 года накануне очередного «дня всех святых» кто-то поджег сарай на хозяйственном дворе монастыря, и все сгорело дотла. Полиция виновных не нашла. Митрополит Лавр обязал семинаристов и братию к дежурству по ночам на время «праздника». В этот раз все обошлось спокойно.

* * *

Сразу по приезде в монастырь диакон Владимир Цуриков предложил мне в удобное время выступить перед семинаристами с лекцией по проблематике истории России или истории Русской Церкви. Как бы то не согласиться.

¹ Шмеман А. прот. Исторический путь православия, С.298.

² Дж.Янг. Христианство. С.331.

³ Каллист (Уэр). Православная Церковь. С.17—18.

нал «Православная Русь» и церковно-богословско-философский ежегодник «Православный путь», издающийся более пятидесяти лет в качестве приложения к журналу. В них публикуется немало интересных материалов богословского, исторического и мемуарного содержания, но некоторые публикации удивили меня недоброжелательным тоном в отношении Московской Патриархии. Вероятно, это отголоски тех споров и конфликтов, для урегулирования которых в наши дни прилагается немало усилий с обеих сторон.

Большое внимание в монастыре уделяется иконописанию. Основателем своей школы иконописцев стал архимандрит Киприан. Накануне прославления РПЦЗ в 1981 году убиенной Царской семьи ему было видение царевича Алексея. Сам старец объяснял это тем, что ему надлежало как иконописцу первому написать икону новомучеников Российских и в центре ее — Царскую семью. Ныне эта икона находится в нижнем храме собора.

Помимо храма архимандрит Киприан с помощниками расписал и трапезную фресками, изображающими беседующих со Спасителем эммаусских путников и преподобных Антония Великого и Павла Фивейского, делящих скудную трапезу в убогой пещере.

Монашеские послушания Свято-Троицкой братии разнообразны. В своих прогулках по окрестностям подчас лишь по черной скуфье и длинной бороде я узнавал в сидящем за рулем автомобиля или управляющем трактором почтенного инока.

Мне показали монастырскую пасеку. Она расположена в десяти минутах ходьбы от обители, вблизи дороги. К ней ведут всегда распахнутые деревянные ворота, но надпись на заборе предупреждает: «Частное владение». Домик, где обрабатывается полученный урожай, небольшой сарай и полтора десятка ульев, закрытых на зиму (пчелы уже спят), — такова пасека. Ее развитие тесно связано с именем покойного иеродиакона Иннокентия, почитавшегося в монастыре. Говорят, что он всегда работал без защитной сетки, но пчелы его не жалили. Он принял монашество во вто-

рой половине своей жизни, оставив Австралию и образ жизни состоятельного человека. Однажды, на второй день Пасхи, во время крестного хода вокруг собора, налетел рой пчел и облепил украшенные сиренью архиерейские дикирий и трикирий. Испугавшиеся иеродиаконы поспешили отдать подсвечники отцу Иннокентию, и он важно шествовал с ними далее. Это и иные монастырские предания Джорданвилля собрал в своей книге «Святорусское откровение миру» инок Всеволод.

* * *

Окрестности Джорданвилля очень красивы. Узкое шоссе ведет вдаль. Если пройти пасеку и углубиться в лес, то скоро увидишь два пруда, верхний и нижний. Осенью они обрамлены красно-золотым убранством деревьев, и трудно оторвать взгляд от гонимого ветром по зеркальной поверхности пруда ярко-желтого кленового листа. Летом семинаристы ходят на пруды купаться и ловить рыбу, но сейчас, осенью, я наблюдал эти места в полном безлюдье. Тишину леса нарушали лишь крики уток, живущих на прудах. Как-то громкие клики сверху заставили меня поднять голову — по небу раскинулся большой и неровный клин: летела большая, около сотни, стая канадских гусей.

За прудами тропинка свернула влево, и вскоре на фоне темно-зеленых высоких елей и трепещущих золотистой листвой осин показалась часовня в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского. Как было не остановиться возле входа и помолиться обо всех, кого помнил.

Дорога вела дальше, сразу от часовни круто поднимаясь вверх. А дальше меня ожидало чудо. На выходе из леса, когда стали редеть высокие, мрачные ели и среди низкорослых кустов открывалась высота холма, вдруг стал виден большой православный крест. Я ускорил шаги, припоминая, что говорили об этом кресте в монастыре. Он был поставлен выпускниками семинарии в 1971 году. Высота — около 20 метров. От креста, с вершины холма, во все стороны открывалась удивительно красивая картина. В осеннем прозрачном воздухе зрение как будто обострялось, и видно было очень далеко. Впереди сверкал обновленными золотыми куполами собора и колокольни монастырь, левее виднелись постройки хозяйственного двора и — поля, поля. На вершинах холмов и в низинах — то леса и перелески, то по-осеннему чистые прямоугольные поля. Далеко вправо дымил трубами какой-то заводик. Доносились гудки проходящих поездов, но это не нарушало царившей здесь глубокой тишины и покоя.

Пожалуй, именно этот семинарский крест, воздвигнутый на острове Православия посреди Америки, стал одним из главных моих впечатлений от недолгой поездки.

Потом вновь был громадный Нью-Йорк, подавляющий богатством и мощью, чинный порядок в здании Синода, огорчение оттого, что не смог из-за ремонта войти в Свято-Никольский собор, построенный еще в 1904 году святителем Тихоном, приятная прогулка по центральному парку, встречи и разговоры с интересными людьми, но все это было уже после...